

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия
Догматические исследования

Епифанович С.Л.

ПО ПОВОДУ КНИГИ
Ф.М. ОКСИЮКА
«ЭСХАТОЛОГИЯ ГРИГОРИЯ
НИССКОГО»

Труды Киевской духовной академии, 1917, № 1.
Извлечение из журнала заседаний совета КДА от 21.12.1915

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

1915 года 21 декабря.

Въ собраніи Совѣта Императорской Кіевской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Ректора ея, Епископа Василя, присутствовали: инспекторъ и экстраорд. проф. архим. Тихонъ, профессора: В. Рыбинскій, Н. Макавейскій, прот. А. Глаголевъ, С. Песоцкій, О. Мищенко, прот. Н. Гроссу, свящ. В. Прилуцкій, свящ. А. Чекановскій.

Не присутствовали профессора: С. Голубевъ, Н. Мухинъ и М. Посновъ по нахожденію въ отпускѣ, прот. О. Титовъ, М. Скабаллановичъ и П. Кудрявцевъ по болѣзни.

Въ собраніи присутствовали также доценты и и. д. доцентовъ, приглашенные на основаніи примѣч. къ § 107 Уст. дух. акад.

Слушали: I. Отзвыы:

б) и. д. доцента С. Епифановича о сочиненіи доцента академіи Михаила Оксіюка подъ заглавіемъ: „Эсхатологія св.

Григорія Нисскаго (Кієвъ, 1914), представленномъ на соисканіе первой юбилейной преміи имени Митрополита Московскаго Макарія, учрежденной при Императорской Кіевской духовной академіи.

„Сочиненіе М. Θ. Оксіюка представляет собою въ нашей духовной литературѣ крупнѣйшее изслѣдованіе въ области древне-христіанской эсхатологіи. Изучая эсхатологическія воззрѣнія св. Григорія Н. въ широкой исторической перспективѣ, М. Θ. коснулся въ своемъ сочиненіи почти всѣхъ древнихъ церковныхъ писателей-грековъ, начиная съ мужей апостольскихъ и кончая бл. Θεодоритомъ и Энеемъ газскимъ. На протяженіи почти шести вѣковъ въ его сочиненіи обслѣдованы эсхатологическія вѣрованія христіанъ и представлена одна изъ таинственнѣйшихъ страницъ догматики, интересъ къ которой никогда не изсякалъ въ вѣрующемъ христіанскомъ сознаніи. Естественно, появленіе его книги возбудило къ себѣ живой интересъ и среди нашего общества и особенно среди нашихъ научныхъ силъ. Какъ тщательная научная диссертация, сочиненіе М. Θ. отнынѣ стало надежной базой для всѣхъ отечественныхъ изслѣдователей въ области эсхатологіи. Уже появились статьи (*И. Подлуцкаго*, Эсхат. св. Гр. Н., „Вѣра и Разумъ“, 1914, сент., кн. I, № 17, стр. 664—686; *свящ. Н. Платонова*, Эсхатологія св. Гр. Н., „Голосъ Церкви“, 1915, № 1 (январь), стр. 96—114; № 2 (февраль), стр. 62—75), правда, сравнительно популярнаго характера, весьма многимъ обязанныя разсматриваемому сочиненію. Появятся, конечно, и еще. Намъ, во всякомъ случаѣ, важно отмѣтить то, что въ книгѣ М. Θ. наша наука имѣетъ прочный научный фундаментъ, и будущее эсхатологическихъ изслѣдованій твердо обезпечено на многіе годы.

Важному значенію, которое, естественно, должна получить въ богословской литературѣ разсматриваемая книга, вполне отвѣчаетъ и характеръ выполненія поставленныхъ въ ней ши-

рокихъ задачъ. Это—книга строго научная, обработанная по всѣмъ правиламъ научной техники, цѣликомъ проведенная по первоисточникамъ, снабженная многочисленными текстами и комментаріями къ нимъ. Святоотеческіе тексты приводятся здѣсь въ такомъ изобиліи, что книга сама по себѣ получаетъ значеніе цѣннаго собранія матеріаловъ для всякаго будущаго исследователя и при слушаніи можетъ замѣнить иждѣю библіотеку. О богатствѣ содержанія ея можно судить по краткому перечню заключенныхъ въ ней матерій. Во „вступительной части“, занимающей 257 стр., излагаются эсхатол. взгляды церк писателей I—IV в., т. е. изображается раскрытіе эсхатологическихъ истинъ до св. Григорія Н.: здѣсь болѣе или менѣе обстоятельно трактуется объ эсхатологіи мужей апост., апологетовъ, св. Иринея и Ипполита, этихъ представителей древняго типа эсхатологіи; подробно излагаются взгляды представителей философской эсхатологіи — Климента Алекс. и Оригена,— и ихъ противниковъ—св. Меѳодія и „Адамантія“, каковое изложеніе даетъ впослѣдствіи читателю возможность опредѣлить и общій философскій характеръ эсхатологіи Гр. Н. и степень, въ какой сказались на его взглядахъ результаты борьбы традиціонной и философской эсхатологіи; этотъ столь важный историческій обзоръ „вступительной части“ заканчивается изложеніемъ ученія св. Василія В. и Григорія Б., чѣмъ удачно обозначается тотъ общій тонъ эсхатологіи, къ которому склонилась въ IV в. богословская мысль въ согласіи съ общей церковной вѣрой. Самое изслѣдованіе (258—591) посвящено подробному и обстоятельному изложенію эсхатологической системы св. Григорія Н. Въ заключительной части (592—649) дѣлается попытка прослѣдить отношеніе послѣдующихъ церков. писателей къ эсхатологіи Гр. Н., въ особенности къ частнымъ мнѣніямъ св. отца (очистит характеръ мученій, воскресеніе одухотворенныхъ тѣлъ, апока-тастасисъ), и показать, какъ молчаливо исключаются эти мнѣнія ученіемъ св. Епифанія, I. Златоуста, бл. Феодорита и Энея

газскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ счастливо прививаются всѣ идеи св. Гр. Н., высказанныя въ полномъ согласіи съ церк. преданіемъ. Въ общемъ въ разсматриваемой книгѣ дается всестороннее освѣщеніе эсхатологіи св. Гр. Н., въ ея происхожденіи, составѣ и послѣдующей судьбѣ, вѣрнѣе же, излагается эсхатологія почти всѣхъ церк. писателей I—VI вв. Изложеніе воззрѣній каждаго писателя ведется по одному и тому же плану. Оно распадается на двѣ основныхъ части: въ одной трактуется о конечной судьбѣ каждаго человѣка въ отдѣльности, въ другой—о конечной судьбѣ всего рода человѣческаго и міра вообще; въ первой части рѣчь посвящается ученію о тѣлесной смерти человѣка, о состояніи души непосредственно послѣ смерти, о потустороннихъ мѣстахъ пребыванія душъ, о небесномъ блаженствѣ и адскихъ мученіяхъ, во второй—ученію о второмъ пришествіи, всеобщемъ воскресеніи и судѣ, кончинѣ міра и конечныхъ воздаяніяхъ.

Работа автора, лежавшая въ основѣ его труда, по истинѣ огромна. Авторъ обозрѣлъ великое множество памятниковъ древней письменности въ подлинникахъ и русск. переводахъ, одинъ перечень которыхъ занимаетъ въ его предисловіи 6 стр. Всѣ источники использованы съ критическимъ тактомъ и умѣньемъ во всеоружіи современныхъ патрологическихкихъ познаній. Въ сочиненіи М. Θ. нѣтъ случаевъ пользованія неподлинными или сомнительными произведеніями древности, какъ это часто можно наблюдать въ нашей богословской литературѣ. Лишь по нѣкоторымъ пунктамъ въ данномъ отношеніи мы не можемъ согласиться съ ученымъ авторомъ, да и то по такимъ пунктамъ, относительно которыхъ въ наукѣ еще нѣтъ безспорнаго рѣшенія. Дѣло касается, гл. обр., 3-го пасхальнаго слова св. Гр. Н., въ подлинности котораго мы высказывали сомнѣніе и раньше (Журн. Сов. Кіевск. дух. Акад. за 1912—1913 г., стр. 373), и вопросъ о принадлежности котораго св. Гр. Н. разрѣшить тѣмъ болѣе важно, что оно сплошь эсхатологическаго содержанія и имѣетъ значеніе для

такого или иного пониманія теоріи апокатастасиса, раскрываемой въ другихъ сочиненіяхъ св. отца. Такъ какъ никто изъ ученыхъ не высказывалъ сомнѣнія относительно подлинности названнаго слова, то автору слѣдовало бы самостоятельно изучить этотъ еще никѣмъ не затронутый и для него важный вопросъ. Но онъ, хотя и принялъ во вниманіе высказанныя противъ подлинности слова соображенія, однако уклонился всеже отъ изслѣдованія вопроса о его подлинности и нашелъ разрѣшеніе его въ томъ, что ученые Bardenhewer, Hilt, Diekamp и Aufhauser цитуютъ 3 пасх. слово, какъ сочиненіе Гр. Н. (XX). Въ своемъ мѣстѣ (стр. 479) по поводу одного парадоксальнаго съ точки зрѣнія эсхатологіи Гр. Н. утвержденія въ пасх. словѣ авторъ сдѣлалъ замѣчаніе, что въ такого рода утвержденіи „нужно видѣть гомилетическій риторизмъ“, что „его нельзя понимать буквально“. Но въ дѣйствительности никакимъ риторизмомъ нельзя объяснить тѣхъ рѣзкихъ различій, которыя существуютъ между взглядами, проводимыми въ 3 пасх. словѣ, и подлинными эсхатологическими воззрѣніями Гр. Н., какъ они представлены въ самой рассматриваемой книгѣ. Поэтому, при всемъ уваженіи къ утвержденіямъ М. Э., какъ специалиста по изученію Гр. Н., мы позволяемъ себѣ въ этомъ отношеніи съ нимъ не согласиться, и по слѣдующимъ основаніямъ (цитруемъ ниже стр. рецензируемаго соч., иногда же VIII т. твор. Гр. Н.). Не касаясь 3 пасх. слова во всемъ объемѣ, не касаясь тѣхъ общихъ мѣстъ въ немъ, которыя можно встрѣтить во всякомъ сочиненіи, посвященномъ, какъ и оно, доказательству возможности и необходимости воскресенія мертвыхъ (напр., указаній на всемогущество Божіе; стр. 416), не касаясь мѣстъ въ немъ, схожихъ и у Гр. Н. и у многихъ другихъ писателей (напр., ученія о томъ, что воскресшее тѣло будетъ состоять изъ тѣхъ же элементовъ, на которые разложилось тѣло;—412, ср. у Гр. Н. 437. 407), тѣмъ болѣе что это слово почти цѣликомъ усвоить всѣ извѣстные со времени Аѳинагора доводы въ пользу защищаема-

го тезиса, мы отмѣтимъ тѣ пункты, въ которыхъ замѣчается расхождение между воззрѣніями Гр. Н. и взглядами, проводимыми въ данномъ пасхальномъ словѣ, и изъ которыхъ видно, что авторъ слова стоялъ на совершенно другой точкѣ зрѣнія и примыкалъ къ эсхатологіи другого типа, чѣмъ Гр. Н.

а) По воззрѣніямъ св. Гр. Н. загробныя наказанія начинаются непосредственно по смерти человѣка (304. 340), какъ о томъ говорится и въ притчѣ о Лазарѣ (327); всѣ адскія мученія носятъ *духовный* характеръ и ни въ какомъ другомъ смыслѣ не могутъ быть понимаемы (367). По пасх. слову, наоборотъ, то, что говорится въ притчѣ о Лазарѣ, еще не получило своего осуществленія, ибо умершіе до воскресенія не имѣютъ ни языка, ни перста, такъ что всѣмъ содержаніемъ притчи предвозвѣщается только будущее (VIII, 82); душа по смерти испытываетъ состояніе, сходное съ состояніемъ сна, почти безчувственное (VIII, 78); [это—точка зрѣнія Аѳинагора, болѣе строгая, чѣмъ даже точка зрѣнія хилиастовъ]; мало того, будущія мученія (огонь, мракъ, червь) будутъ носить осязательно тѣлесный характеръ, такъ какъ ни одно изъ нихъ само на себѣ не можетъ воздѣйствовать на душу (VIII, 85; стр. 479). Духовное пониманіе будущихъ страданій здѣсь ясно и опредѣленно, видъ всякаго риторизма, отрицается и устраняется. Любопытно, между прочимъ, отмѣтить, что въ данномъ словѣ необходимость воскресенія плоти выводится изъ необходимости воздаянія (также и) для тѣла (476. 467. 479), и именно воздаянія для тѣхъ членовъ, которыми при жизни были совершены тѣ или другія дѣянія: это—такого рода точка зрѣнія, которую раздѣляли и хилиасты Нѣскольکو иначе смотритъ на дѣло св. Гр. Н. У него весь смыслъ воскресенія заключается въ восстановленіи человѣка въ первоначальное состояніе (401. 444—445). Послѣднее различіе, конечно, не является противорѣчіемъ, но оно во всякомъ случаѣ характеризуетъ существенное отклоненіе въ основной точкѣ зрѣнія на предметъ.

б) По Гр. Н. воскресшія тѣла, хотя и будутъ по основнымъ матеріальнымъ элементамъ тождественны съ настоящими, одна-

ко будутъ тѣлами одухотворенными, чуждыми тяжести, слабости, разныхъ органовъ и функций животной жизни (456—464). Наоборотъ, въ пасх. словѣ предполагается грубая тождественность тѣлесныхъ членовъ съ настоящими, какъ это допущалось и въ хилиастической эсхатологіи (406. 467); здѣсь трактуются о мускулахъ, жилахъ, артеріяхъ, о восстановленіи каждой части тѣла, поглощенной птицами, или животными, или червями (VIII, 64); словомъ, дѣло представляется такъ, что человѣкъ ничего не получитъ больше, чѣмъ имѣлъ (414).

в) По Гр. Н. душа сама составитъ себѣ тѣло по сохраняющемуся при ней *εἶδος* у (408—409. 437); по пасх. слову, она найдетъ тѣло, какъ готовую одежду (409).

г) Въ подтвержденіе истины воскресенія плоти Гр. Н. дѣлаетъ ссылки на примѣры чудесныхъ воскрешеній, совершенныхъ Господомъ, при чемъ указываетъ послѣдовательность этихъ чудесъ и таинственный смыслъ этой послѣдовательности (428; Объ устройствѣ чел., гл. 25). Въ пасх. словѣ (431), указанныя чудеса приводятся въ обратномъ порядкѣ, чѣмъ въ соч. „Объ устройствѣ человѣка“, и безъ всякаго намека на раскрытую въ немъ идею ихъ внутренней связи и послѣдовательности и домостроительственнаго значенія.

д) Въ 3-мъ пасхальномъ словѣ встрѣчается мысль, которая можетъ дать поводъ и основаніе къ умѣренному (какъ у Крампфа, стр. 584—585) пониманію идеи апокатастасиса у Гр. Н., именно его ученія о будущемъ общемъ праздникѣ и славословіи всѣми Бога въ царствѣ славы: здѣсь говорится, что послѣ суда и прехожденія образа міра сего настанетъ дивная симфонія славы, слагающаяся изъ пѣснословій святыхъ и жалобныхъ воплей грѣшниковъ, когда діаволь будетъ непрерывно наказываемъ и всѣ—и праведные, и нечестивые—признають общаго Владыку (VIII, 57). Авторъ съ полнымъ основаніемъ, опираясь на многочисленные подлинныя тексты изъ Гр. Н., отвергаетъ подобное пониманіе апокатастасиса, какъ чуждое и несвойственное духу воззрѣній Нисскаго святителя. Но если такъ, то съ тѣмъ большимъ

интересомъ онъ долженъ бы отнестись къ выясненію вопроса о подлинности такого сочиненія, которое вовсе не согласуется съ установленнымъ имъ правильнымъ пониманіемъ теоріи апокатастасиса у Гр. Н.

е) Какъ мелочь, можно отмѣтить нѣкоторое различіе между Гр. Н. (Объ устройствѣ чел., гл. 30) и 3 пасх. словомъ въ вопросахъ соматической антропологии (Гр. Н. не упоминаетъ о селезенкѣ) Характерна также точка зрѣнія обоихъ авторовъ на цѣлесообразное устройство человѣческаго организма. Авторъ пасх. слова считаетъ его дивнымъ и необъяснимымъ (417); Гр. же Н. даетъ нѣкоторыя объясненія по этому вопросу и старается указать пояснительныя аналогіи.

ж) Если, въ заключеніе, принять во вниманіе и мало-оригинальный характеръ 3 пасх. слова,—зависимость его отъ Аѳинагора,—то не безъ основанія можно будетъ сомнѣваться въ его подлинности, считая его болѣе приличнымъ перу св. Ипполита или др. писателя, чѣмъ Гр. Н. Авторъ напрасно пожалѣлъ время для изслѣдованія даннаго вопроса, тѣмъ болѣе что при его знаніи стили Нисскаго святителя и всецѣломъ проникновеніи духомъ его міросозерцанія ему легко было бы придти къ безспорному рѣшенію поставленной проблемы и т. обр. обогатить нашу науку новымъ выводомъ.—Менѣе важное значеніе для цѣлей Эсхатологии имѣетъ вопросъ о подлинности другихъ сочиненій Гр. Н., относительно которыхъ современной наукой высказано сомнѣніе въ новыхъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ. Поэтому можно и не посто- вать на то, что авторъ и гутъ воздерживается отъ самостоятельнаго изслѣдованія вопроса объ ихъ подлинности и довольствуется ссылками на старые авторитеты въ патрологии (при чемъ Селье ставится почему-то послѣ Фесслера, стр. XVII) или на то обстоятельство, что современные ученые, можетъ быть, и не первой марки, напр. Aufhauser, продолжаютъ считать и цитовать то или другое соч. Гр. Н., какъ подлинное. Для общей картины, впрочемъ, пользованіе у автора такого

рода сомнительными произведеніями Гр. Н. не приноситъ особеннаго вреда.

Что касается до пособій автора, то вся литература о Гр. Н.—и русская и иностранная—изучена имъ самымъ тщательнымъ образомъ. Во многихъ случаяхъ онъ стоитъ выше своихъ пособій и неоднократно вноситъ въ нихъ поправки. Можно лишь пожалѣть о томъ, что авторъ даетъ только перечень своихъ пособій безъ обозрѣнія и оцѣнки ихъ по существу. Намъ думается, что простого перечня недостаточно въ особенности въ такомъ сочиненіи, которое по своему замыслу и широтѣ его выполненія силою обстоятельствъ призвано замѣнить собою всю предшествующую литературу по вопросамъ эсхатологіи. Изъ перечня автора не видно, какія книги важны, какія нѣтъ, каково ихъ содержаніе и научное достоинство; не видно, въ какомъ отношеніи стоитъ самъ авторъ къ своимъ пособіямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя ему всеже значительно помогли, напр. Hilt, Мартыновъ, Несмѣловъ (по всѣмъ вопросамъ эсхатологіи Гр. Н.), Тихоміровъ (въ изложеніи разныхъ взглядовъ на теорію апокатастасиса у Гр. Н.). Изъ перечня автора видно только то, что ему литература о Гр. Н. извѣстна была вся. Въ меньшей степени использована авторомъ литература о другихъ отцахъ, о которыхъ онъ говоритъ во вступительной части своего сочиненія. Здѣсь авторъ почти что не обращался къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ объ отдѣльныхъ писателяхъ или объ отдѣльныхъ направленіяхъ въ эсхатологіи (напр., о хиліазмѣ), а гл. обр. довольствовался весьма добросовѣстной книгой Atzberger'a о доникейской эсхатологіи. Но, конечно, спеціальнаго изслѣдованія объ отдѣльныхъ писателяхъ никто въ данномъ случаѣ и не въ правѣ требовать отъ автора. Важно то, что всѣхъ этихъ писателей онъ изучилъ по первоисточникамъ. Въ результатѣ поэтому авторомъ дается вполне достовѣрное изображеніе древне-христіанской эсхатологіи.

На первыхъ страницахъ своего послѣдованія авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на древнѣйшихъ тишахъ хри-

стіанской эсхатологіи, какъ она представлена въ писаніяхъ мужей апост., апологетовъ, св. Иринея и Ипполита. Предъ нашими глазами постепенно проходятъ простыя и трогательныя вѣрованія первыхъ христіанъ въ пониманіи отдѣльныхъ писателей во всемъ своеобразіи ихъ представленій. Единственный недостатокъ, который здѣсь всего болѣе бросается въ глаза, это—схематичность, т. ск. механичность изображенія. Къ какому бы типу ни относились воззрѣнія извѣстнаго писателя, они всегда неумолимо излагаются по одному и тому же плану, всегда подгоняются подъ одинаковыя разъ навсегда установленныя рубрики. Это обстоятельство, конечно, находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что работа автора гл. обр. систематическаго характера, а не историческаго, но все же такъ затушевывать живыя и характерныя черты индивидуальных воззрѣній и даже особенности цѣлыхъ направленій не слѣдовало бы уже по той простой причинѣ, что въ такомъ случаѣ изложеніе становится монотоннымъ и теряетъ свою выпуклость и яркость. Само по себѣ это было бы еще и не такъ досадно, если бы принятый авторомъ планъ не отражался по мѣстамъ неблагопріятно на самой систематизаціи и репрезентаціи излагаемыхъ воззрѣній. Дѣло въ томъ, что весьма многіе писатели, которыхъ авторъ касается въ данномъ отдѣлѣ, трактуящемъ о древнѣйшей христіанской эсхатологіи, держались т. н. хиліастическихъ взглядовъ. Ихъ эсхатологія была весьма своеобразной. Она поэтому, не вполне можетъ быть уложена въ рамки философской эсхатологіи, схемы которой подъ вліяніемъ Гр. Н. и держится авторъ. Между эсхатологическими построеніями того и другого типа существуетъ разница немало важная. Представленія о загробной жизни у хиліастовъ носили, хотя и яркій по изобразительности и конкретности, но приниженно-угнетенный по тону описываемыхъ состояній характеръ. Райское блаженство усвоилось только мученикамъ и тѣмъ изъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, которые были выведены Господомъ изъ ада. Вообще же мѣстомъ пребыванія

душъ умершихъ считался адъ, въ которомъ согласно съ притчей о Лазарѣ различались двѣ половины—для грѣшниковъ и для праведниковъ. Жизнь, по смерти представлялась неполной и иногда приравнивалась ко сну. Отсюда душамъ умершихъ усваилось собственно только предназначіе блаженства или страданій, даже огненные мученія въ собственномъ смыслѣ предполагались еще впереди, послѣ будущаго суда (Татіанъ, св. Ипполитъ 30. 86). Полное воздаяніе—настоящее блаженство и мученіе во плоти—ожидалось только послѣ воскресенія (1-го и 2-го); оно должно быть воздаяніемъ въ той же плоти, въ которой человѣкъ предавался подвигамъ или страстямъ; изъ этого слѣдуетъ необходимость полного тождества воскресшихъ тѣлъ съ настоящими. Эсхатологія такого типа, конечно, отлична отъ эсхатологіи философской, построение которой дано у Климента и Оригена. По воззрѣніямъ послѣднихъ, жизнь загробная носить хотя и абстрактно-блѣдный (какъ у безплотныхъ тѣней), но зато полножизненный характеръ. Мученія и блаженство уже по смерти переживаются въ собственномъ смыслѣ и во всей полнотѣ; мученія носятъ очистительный характеръ; будущая жизнь по воскресеніи по существу не внесетъ измѣненій въ состояніе и характеръ посмертнаго существованія душъ; воскресшія тѣла будутъ духовными, эфирными; тождество ихъ съ настоящими будетъ ограничиваться гл. обр. однимъ только видомъ (εἶδος); очистительныя мученія современемъ должны прекратиться и привести грѣшниковъ по очищеніи отъ грѣха въ первоначальное блаженное состояніе (ἀποκατάστασις). Само собою разумѣется, что схема послѣдняго рода не можетъ быть примѣнена безъ натяжекъ къ эсхатологіи хилиастическаго типа. Всѣ попытки въ этомъ направленіи должны привести къ нежелательнымъ результатамъ, что мы по мѣстамъ и видимъ у автора въ трактатіи его о древнѣйшей эсхатологіи. Начнемъ для примѣра съ вопроса о загробномъ воздаяніи. Для эсхатологіи философскаго типа (какъ у Гр. Н.) вопросъ этотъ рѣшается просто: пра-

ведные по смерти отправляются въ рай, грѣшники—въ адъ. Но въ древнѣйшей эсхатологіи положеніе вещей представлялось сложнѣе: съ ея точки зрѣнія въ рай восходили не всѣ праведники, а только нѣкоторые изъ нихъ (напр., мученики, т. е. прославленные святые); грѣшники же и люди, не запятнавшіе себя грѣхами, и всѣ вообще хрістіане, въ вѣрѣ скончавшіеся, отправлялись по смерти въ преисподнюю, первые—въ мѣсто мученія, вторые—на лоно Авраамово. Отсюда видно, что терминъ „праведники“ нельзя уже безразлично употреблять при изображеніи древнѣйшей эсхатологіи. Но, слѣдующей своей схемѣ, авторъ въ данномъ случаѣ не предпринимаетъ необходимыхъ мѣръ предосторожности. На томъ основаніи, что по ученію мужей апост. мученики (къ коимъ авторъ не приводитъ основаній, относитъ и упоминаемую у Ерма Роду) по смерти удостиваются блаженства, онъ дѣлаетъ выводъ, что „праведники“ по смерти получаютъ блаженную участь (5. 6). И, наоборотъ, читая у нѣкоторыхъ писателей, что всѣ праведные идутъ въ преисподнюю, и сближая рай съ лономъ Авраамовымъ, заключаетъ, что и рай находился тамъ же (58). Или забывая, что въ аду по воззрѣніямъ мужей апост. находились до сошествія Христова и ветхозав. праведники, утверждаетъ, что адъ есть мѣсто пребыванія грѣшниковъ (18). На самомъ же дѣлѣ ни одно изъ этихъ положеній не можетъ быть признано въ строгомъ смыслѣ отвѣчающимъ дѣйствительнымъ воззрѣніямъ разсматриваемыхъ авторомъ древнихъ писателей, что понятно уже изъ сказаннаго выше. Что касается до страннаго мнѣнія, будто рай помѣщался въ преисподней (въ аду), то, думается, авторъ напрасно его усваиваетъ св. Иринею (58). Хотя въ данномъ пунктѣ св. Ириней, можетъ быть, и не такъ ясенъ, какъ повторяющій его Тертуліанъ, однако разсуждаться въ его положеніяхъ все же можно. Въ раю, по св. Иринею (V, 5, 1) находились „предложенные“, т. е. Енохъ и Ілія, взятые на небо; туда же, на третье небо, восхищенъ былъ Ап. Павелъ. Ясное дѣло, что рай находится на небѣ, и

что здѣсь находятся души, удостоенныя особеннаго блаженства. Столь же непрочно позиція автора и въ изложеніи ученія св. Иринея и св. Ипполита о сошествіи Христа въ адъ и значеніи этого событія для ветхозавѣтныхъ праведниковъ. Авторъ усвояетъ указаннымъ отцамъ мнѣіе, будто цѣлью сошествия въ адъ было только благовѣстіе находящимся тамъ праведникамъ (58. 87). Въ дѣйствительности, по ученію этихъ отцовъ, Господь сходилъ во адъ для того, чтобы спасти праведныхъ (Adv. haer. III, 20, 4 (ср. Доказ., гл. 78)—у автора выдержка приведена неполно стр., 58,1; IV, 22, 4; ср. V, 36, 3). У св. Ипполита автору приходится даже въ данномъ случаѣ находить мнимое противорѣчіе. Помѣщая, яко бы согласно съ св. Ипполитомъ, ветхозав. праведниковъ въ аду даже до времени воскресенія, авторъ потомъ (88) съ недоумѣніемъ приводитъ изреченія св. отца, изъ которыхъ видно, что въ раю и на небесахъ находятся и Исаія, и Іеремія, и пророки, и апостолы. Ясное дѣло, что, если они тамъ теперь имѣютъ свое мѣсто-пребываніе, то выведены сюда изъ ада Господомъ. Не больше, какъ недоразумѣніемъ, конечно, можно признать странное утвержденіе автора, будто св. Іустинъ отвергаетъ загробное блаженство для праведныхъ, за исключеніемъ мучениковъ (27). Въ дѣйствительности слова Іустина могутъ означать только то, что праведники не удостоиваются райскаго блаженства, хотя предначинательно испытываютъ относительную сладость на лонѣ Авраамовомъ въ лучшей странѣ ада. Ясно отсюда, что нельзя говорить, что св. Іустинъ отвергаетъ ихъ блаженство. Тѣмъ болѣе нельзя сопоставлять съ этимъ воззрѣніемъ взглядъ Татіана („равн. обр., и Татіанъ“, стр. 27), который, дѣйствительно, отвергалъ загробное воздаяніе, ибо училъ о разрушеніи души по смерти вмѣстѣ съ тѣломъ. Вообще авторъ часто, къ сожалѣнію, опускаетъ изъ виду, что въ древнѣйшей эсхатологіи загробное воздаяніе представлялось въ значительной степени неполнымъ, и состояніе загробное рѣзко отличалось отъ жизни будущаго вѣка. Онъ некстати переноситъ

силье черты будущаго блаженства и мученія на загробное воздаяніе. Такъ, напр., онъ совсѣмъ не упоминаетъ о томъ, что по Аѳинагору душа по смерти находится въ недѣятельномъ состояніи, въ состояніи самозабвенія, какъ во снѣ, а довольствуясь его увѣрженіемъ, что душа безсмертна (=неразрушима) приводитъ въ описаніи посмертной участи душъ его слова о томъ, что на томъ свѣтѣ великій Судія наградитъ насъ неизреченными благами (25), хотя уже самое слово „Судія“ должно было бы показать, что цитата не относится непосредственно къ загробной участи людей. Подобнаго рода случаи встрѣчаются у автора довольно часто, даже совсѣмъ безъ тѣхъ ограничительныхъ поясненій, которыя находилъ нужнымъ дѣлать Преосв. Сильвестръ. Въ особенности это можно наблюдать въ рубрикѣ о загробныхъ наказаніяхъ. Здѣсь даже наказанія за грѣхи при жизни, о которыхъ говоритъ Ермъ (стр. 9,⁶) относятся къ числу потустороннихъ мученій. Послѣдніе дни 1-го пришествія (у Варнавы,—стр. 12,³) охотно принимаются за дни 2-го пришествія. Часто здѣсь говорится и о вѣчномъ огнѣ (изъ Ерма стр. 10; 2 Клим., 9—10; св. Іустина, 29; Иринаея лон., 60; Оригена, 142; Василия Вел., 227,³). Мало того, авторъ настолько увлекается принятой имъ схемой, что къ рубрикѣ о загробныхъ воздаяніяхъ относитъ и рѣчь о хилиастическомъ царствѣ по воскресеніи при второмъ пришествіи Христовомъ, и подъ этой рубрикой не только приводитъ относящіяся къ этому царству изреченія (7,⁶; 203,¹), но предлагаетъ и самое описаніе этого царства (89). Конечно, такихъ вещей смѣшивать не слѣдовало бы.

Въ силу того, что авторъ примѣнилъ къ древней эсхатологіи чуждую ей схему, онъ оставилъ безъ вниманія нѣкоторыя немаловажныя черты въ эсхатологическомъ ученіи древнихъ писателей и не далъ ихъ воззрѣніямъ полного освѣщенія. Въ изложеніи эсхатологіи мужей апостольскихъ плохо выдѣлены у автора хилиастическое теченіе; не рѣшенъ при этомъ вопросъ, всѣ ли мужи апост. были хилиастами, или

нѣтъ; имѣлъ ли хилиазмъ какой-либо смыслъ для богословствующей мысли первыхъ христіанъ, въ чемъ была его опора и историческія основы и въ какомъ отношеніи стоялъ онъ къ обще церковной точкѣ зрѣнія. Равнымъ образомъ въ изложеніи воззрѣній мужей апост. авторъ не говоритъ о сошествіи во ялъ Христа и апостоловъ (Ермъ, Под. IX, 16) и объ участи ветхозавѣтныхъ праведниковъ (8); въ изложеніи взглядовъ Іустина муч. допускаетъ нѣкоторую шаткость сужденія, утверждая, что иногда св. Іустинъ учитъ о воскресеніи однихъ праведниковъ, а чаще о всеобщемъ (второмъ) воскресеніи (46), какъ будто бы Іустинъ не училъ о первомъ и лишь иногда склонялся къ хилиазму. То же встрѣчаемъ при рѣшеніи вопроса о взглядѣ св. Ипполита на воскресеніе мертвыхъ (101). Авторъ довольствуется выясненіемъ только того положенія, что будетъ всеобщее воскресеніе мертвыхъ. Между тѣмъ для всякой эсхатологіи съ хилиастическимъ оттѣнкомъ необходимо рѣшить вопросъ, признается ли въ ней два воскресенія или одно, ибо отъ такого или иного рѣшенія его зависитъ и признаніе системы хилиастической или православной. Въ отношеніи къ св. Ипполиту рѣшить этотъ вопросъ тѣмъ болѣе важно, что самъ авторъ колеблется въ опредѣленіи характера его эсхатологической системы, и въ наукѣ до сихъ поръ не пришли въ этомъ отношеніи къ опредѣленному результату.

Но все отмѣченное касается однихъ только мелочей. Въ общемъ на всѣхъ писателей авторомъ обращено достаточно вниманія. Если кому оно и оказано въ сравнительно меньшей степени, то это только мужамъ апостольскимъ Ихъ эсхатологическія воззрѣнія по своей важности заслуживали бы особаго изученія. Такъ какъ эти воззрѣнія нашли себѣ отраженіе въ современной литературѣ лишь частью въ отдѣльных намекахъ, то для надлежащаго раскрытія и пониманія ихъ слѣдовало бы представить ихъ на широкомъ историческомъ фонѣ въ связи съ новозавѣтной эсхатологіей и воззрѣніями ближайшихъ по времени древнихъ церковныхъ писателей, а

также въ сравненіи съ апокрифической апокалиптикой. Уже здѣсь, въ изложеніи эсхатологіи мужей апост., слѣдовало бы намѣтить главные типы христіанской эсхатологіи, выдѣлить изъ воззрѣній древнѣйшихъ церк. писателей нить преланія и особенно выдвинуть на первый планъ содержаніе *regula fidei* по эсхатологическимъ вопросамъ, доказавъ ея наличность въ изначальныхъ памятникахъ христіанства и прослѣдивъ ея раскрытіе во всей послѣдующей письменности. Это составило бы ключъ и основу для оцѣнки разныхъ типовъ эсхатологіи, для ихъ сравненія и для анализа ихъ въ цѣляхъ выдѣленія изъ ряда частныхъ мнѣній общепризнанной истины преданія. Мало того, это дало бы возможность въ послѣдующемъ изложеніи избѣгать частыхъ утомительныхъ заявленій о томъ, что такой-то отецъ не сомнѣвался въ возможности воскресенія мертвыхъ, или въ дѣйствительности второго пришествія и т. п., ибо и странно было бы, если бы онъ здѣсь, въ *regula fidei*, допускалъ хотя какую-либо тѣнь сомнѣнія. Не говоримъ уже о томъ, что это дало бы цѣльность общей картинѣ и показало то центральное ядро, которое лежитъ въ основѣ всей христіанской эсхатологіи. Но у автора на все это не обращено вниманія. Эсхатологія всѣхъ мужей апост. изложена отрывочно, фрагментарно, и въ то же время въ общей массѣ, безъ всякой группировки и обобщеній. Это, конечно, хорошо подчеркиваетъ первобытный характеръ данной эсхатологіи, но плохо вяжется съ тѣмъ представленіемъ, какое даетъ авторъ о вѣкѣ мужей апост., какъ эпохѣ особыхъ эсхатологическихъ интересовъ, живыхъ эсхатологическихъ чаяній и представленій.

Отъ древнѣйшихъ типовъ эсхатологіи авторъ переходитъ къ новому типу философской эсхатологіи, нашедшему себѣ раскрытіе въ твореніяхъ Климента и Оригена. Принятая авторомъ схема является въ данномъ случаѣ вполне подходящей, и ни съ какими затрудненіями здѣсь мы не встрѣчаемся. Встрѣчаются лишь иногда подъ рубрикой загробныхъ мученій

цитаты, относящаяся къ будущему всеобщему суду. Прекрасно раскрыта авторомъ эсхатологія Оригена, занимающая во вступительной части центральное и главное мѣсто, какъ наиболѣе отразившаяся на эсхат. воззрѣніяхъ Гр. Н. Добросовѣстно изложены воззрѣнія и другихъ церк. писателей III и IV в. Въ этой второй половинѣ вступительной части можно указать лишь на нѣкоторые недостатки. Думаемъ, что авторъ ошибочно считаетъ Климента алекс. (106) дихотомистомъ; слишкомъ рѣшительно утверждаетъ, что Оригенъ не признавалъ душепереселенія, ибо для многихъ вѣковъ и міровъ (не для міра сего) онъ допускалъ его (180); произвольно расширяетъ мысль св. Василя В., что послѣ паденія мы теперь возведены на небо, въ положеніе, что мѣстопребываніемъ праведныхъ по смерти является небо (225); безъ достаточныхъ основаній отождествляетъ у того же св. отца тьму шестоднева съ тьмой будущаго наказанія (227). Но вотъ и все, что можно сказать по поводу этого прекрасно обработаннаго отдѣла. Въ общемъ вступительная часть сочиненія даетъ ясное представленіе о воззрѣніяхъ на будущую жизнь въ древней Церкви и прекрасно подготавливаетъ историческій фонъ для изученія и оцѣнки эсхатологической системы Гр. Н. Если въ данномъ случаѣ на что и можно поспѣловать, то только на то, что здѣсь не такъ рельефно, какъ можно было бы ожидать, очерчено общее теченіе идей въ разныхъ типахъ эсхатологіи, и слабо намѣчена связь ихъ съ ученіемъ св. Гр. Н. У автора обыкновенно недостаетъ обобщеній; его общіе выводы слишкомъ кратки и неопредѣленны (19. 52. 105). Впрочемъ, это только доказываетъ, что авторъ—ученый очень осторожный, сдержанный на выводы, которые всегда могутъ оказаться послѣдними и ошибочными. При томъ необходимыя обобщенія—группировка писателей по направленіямъ—имъ сдѣланы съ достаточной опредѣленностью (255—257).

Главную часть сочиненія М. Θ. составляетъ изложеніе эсхатологіи св. Григорія Н. Начинаетъ авторъ съ эсхатологи-

ческаго ученія св. отца о тѣлесной смерти. Выясняя таинственный актъ смерти, этого перехода къ новой жизни, авторъ подробно описываетъ его сущность и физическія проявленія, присоединяя доказательства въ пользу мысли о неуничтожимости элементовъ человѣческаго тѣла. Главнымъ образомъ однако онъ сосредоточивается на доказательствахъ безмертія души (составляющихъ тему одного изъ важнѣйшихъ соч. Гр. Н. „О душѣ и воскресеніи“), приводя въ пользу этого тезиса богословскія и моральныя основанія и опровергая всѣ противъ него возраженія. Сверхъ сего, для того, чтобы дать всеисчерпывающее представленіе о таинствѣ смерти, авторъ присоединяетъ разсужденія о ея причинѣ (грѣхъ) и о благодѣтельномъ значеніи ея для души (освобожденіе отъ плоти и приближеніе къ Богу) и тѣла (уничтоженіе съ смертію приразившагося къ тѣлу зла: животныхъ потребностей и органовъ, и вытекающихъ изъ злоупотребленія ими страстей) (258—290). Доказавши бытіе души по смерти, авторъ описываетъ ея жизнь за гробомъ и раскрываетъ оригинальное ученіе Гр. Н. о пребываніи души при элементахъ разложившагося тѣла, при чемъ удачно доказываетъ, что это пребываніе при нихъ заключается въ созерцаніи ихъ мысленной силой, благодаря чему душа узнаетъ элементы своего тѣла по отпечаткамъ своего обладанія и сама сохраниваетъ на себѣ нѣкоторые тѣлесные признаки соединенія съ тѣломъ (291—300). Указаннымъ мысленнымъ пребываніемъ связь души съ тѣлеснымъ міромъ и ограничивается: авторъ опровергаетъ словами Гр. Н. ученіе о душепереселеніи и переходитъ къ характеристикѣ загробнаго бытія души, указывая три вида состояній: для праведныхъ, для грѣшниковъ и среднее между тѣмъ и другимъ (300—308). Изложеніе здѣсь безупречно. Съ нѣкоторыми затрудненіями встрѣчаемся мы въ дальнѣйшей рѣчи автора о „потустороннихъ мѣстахъ и состояніяхъ человѣческихъ душъ“. Здѣсь трактуется о трехъ небесахъ, лонѣ Авраамовѣ и адѣ, при чемъ два первыхъ неба понимаются въ про-

странственномъ смыслѣ; остальные же „мѣста“ принимаются только за духовныя состоянія. Это, конечно, правильно, но, намъ кажется, тутъ не уяснены естественные недоумѣнные вопросы, какъ можно говорить о мѣстахъ пребыванія душъ, особенно о 1 и 2-мъ небѣ, если душа по Гр. Н. (295. 322) не нуждается въ странственномъ опредѣленіи своего бытія, можно ли трактаціи Гр. Н. о небесахъ, излагаемой въ шестодневѣ, придавать значеніе эсхатологическаго матеріала, и если можно, то почему; откуда видно, что 1-е (воздушное) небо является мѣстомъ пребыванія праведниковъ, и какъ совмѣстить съ этимъ мнѣніе, что воздухъ является сферой жизнедѣятельности демоновъ (328); почему у Гр. Н. одинаково называется раемъ и небесное царство (315), и небесная земля (319) и третье (умопостигаемое) небо (316). Ученіе объ адѣ раскрыто у автора самымъ обстоятельнымъ образомъ. Напрасно только авторъ въ данномъ случаѣ (325) умалчиваетъ, что подѣ *καταχθόνιοι* Филип. 2,¹⁰ Гр. Н. разумѣлъ также и демоновъ (555). Прекраснымъ заключеніемъ къ трактаціи о загробной жизни служить у автора тщательное изображеніе ученія о небесномъ блаженствѣ, его сущности, развитіи въ безконечность и разныхъ степеняхъ его (329—355), а также объ адскихъ мученіяхъ. Въ послѣднемъ пунктѣ авторъ подходитъ къ одной изъ труднѣйшихъ и главнѣйшихъ частей своей работы. Здѣсь послѣ рѣшенія вопроса о сущности адскихъ мученій и опредѣленія исключительно духовнаго характера ихъ (361—367), авторъ раскрываетъ ученіе объ очистительномъ характерѣ адскихъ мученій (368—375), о различныхъ степеняхъ силы и продолжительности ихъ (375—380) и—какъ выводъ отсюда—о временности ихъ. Авторъ, так. обр., уже здѣсь касается такихъ вопросовъ, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ самому трудному пункту въ его сочиненіи—теоріи авокатастасиса. Несмотря на всѣ трудности въ рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ, авторъ умѣло справляется съ своей задачей, приходитъ къ твердымъ и безспорнымъ научнымъ выводамъ и сча-

стливо устраняетъ всѣ отрицательныя инстанціи на пути своихъ показательствъ, указывая пути къ примиренію ученія Гр. Н. о временности адскихъ мученій съ отдѣльными выраженіями его о вѣчности будущихъ воздаяній (анализъ понятій *αἰών* и *αἰδιος*;— „неугасимый“ означаетъ качество, духовность).

Признаніе очистительнаго (въ собств. смыслѣ) характера адскихъ мученій уже отчасти предрѣшило позицію автора въ пониманіи теоріи апокатастасиса, изложеніе которой составляетъ главную задачу второй части его изслѣдованія, посвященной ученію Гр. Н. о конечной судьбѣ всего рода человѣческаго и міра вообще (390—591). Начало этой части образуетъ рядъ обстоятельныхъ трактатовъ, излагающихъ ученіе св. отца о второмъ пришествіи Христовомъ, всеобщемъ воскресеніи (397—470), судѣ (471—486), кончинѣ міра и открытіи царства славы (493—501). Особенно много вниманія удѣлено авторомъ ученію о воскресеніи плоти: тутъ у него выясняется сущность этого акта, приводятся естественныя и сверхъестественныя основанія возможности и свидѣтельства изъ Писанія о дѣйствительности его, и съ особеннымъ усердіемъ разрѣшается одна изъ запутанныхъ проблемъ древней эсхатологіи—о тожествѣ воскресшихъ тѣлъ съ настоящими (435—468). Кстати, въ описаніи будущаго суда авторомъ затрогивается вопросъ о томъ, будутъ ли продолжаться и послѣ суда адскія мученія (486), сохраняя свой очистительный характеръ (488—490). Теорію апокатастасиса авторъ излагаетъ со свойственною ему обстоятельностью и съ тщательностью, соотвѣтствующею важности предмета. Имъ выясняется сущность апокатастасиса, приводятся основанія въ пользу этого ученія—„метафизическія, психологическія, телеологическія“, изъ ученія объ искупленіи, свидѣтельства Писанія В. и Н. Завѣта; съ критическимъ умѣньемъ и искусствомъ доказывается, что апокатастасисъ коснется всѣхъ людей и злыхъ духовъ (502—559), и, наконецъ, разбираются мнѣнія древнихъ церковныхъ писателей и новѣйшихъ изслѣдователей относительно этой теоріи (559—591). Авторомъ при этомъ съ

методической послѣдовательностью устраняются всѣ перетолкованія апокатастасиса и доказывается, что св. Гр. Н. допускалъ его въ полномъ смыслѣ. Это—самый важный положительный результатъ произведеннаго авторомъ добросовѣстнаго изслѣдованія столь спорнаго и труднаго вопроса въ эсхатологіи святителя Нисскаго.

Трудности, съ которыми приходилось въ данномъ случаѣ считаться автору, врядли можно и учесть. И оригинальность ученія объ апокатастасисѣ, и прямое противорѣчіе его церковному ученію о вѣчности мученій, и сбивчивость и противорѣчивость сужденій у самого Гр. Н., и неясность и неопредѣленность его рѣчи, все это ставило много препятствій автору при осуществленіи его задачи. Въ особую заслугу ему нужно поставить то, что онъ нисколько не уклонился отъ тяжелаго труда тщательнаго изслѣдованія всѣхъ сторонъ своей трудной проблемы. Матеріаль привлеченъ имъ въ поразительномъ изобиліи; при разсужденіи объ апокатастасисѣ мы довольствуемся ссылками на страницы его книги (лишь иногда слѣдуетъ предполагать нѣсколько расширенный контекстъ). Матеріаль, приведенный авторомъ, между прочимъ, наиболѣе показателенъ въ смыслѣ выясненія того, насколько трудна была принятая имъ проблема. Дѣйствительно, какой бы изъ существенныхъ пунктовъ теоріи апокатастасиса мы ни взяли, на каждомъ шагу мы постоянно встрѣчаемся или съ неясностью и недоговоренностью у св. Гр. Н. или съ противорѣчіемъ, или съ утвержденіями, допускающими различное пониманіе —Такъ, первымъ и основнымъ положеніемъ въ названной теоріи является признаніе очистительнаго характера огненныхъ мученій. Но это положеніе высказывается у св. отца съ нѣкоторой неопредѣленностью. Неясно, когда собственно начнутся эти мученія и къ какому періоду загробнаго бытія они относятся: то они усвоятся какъ бы только времени послѣ суда (489^а. 488^б. ³) и воскресенія (368^б. 469¹), то, повидимому, относятся ко времени послѣ смерти (359¹. 372¹; 368²; 371⁵. 373²), то, на-

конецъ, обозначаются такъ неопредѣленно, что могутъ быть относимы и туда и сюда (369—370; [ср. 503] 373—374). Утверждается, что зло уничтожится во время суда, но подъ судомъ можно разумѣть и общій судъ (529³) и очистительный процессъ по смерти (373¹. 2). Въ виду своего очистительнаго характера мученія признаются временными, хотя бы и простирающимися долгіе вѣка и періоды (376¹. 377⁵. 587; 379⁴; 381. 501; 389; 490; 504. 555; 533²; 521); но съ другой стороны эти же мученія называются вѣчными и нескончаемыми (373—374. 378. 379). Ставится и весьма твердо проводится тезисъ: зло будетъ истреблено (331; 381; 520; 499—500. 526. 579; 504¹. 555; 515¹. 528; 515⁴. 588; 522. 532—533; 530¹. 587), но подъ зломъ можно разумѣть и зло физическое (522². 547)— и въ такомъ случаѣ уничтоженіе его относить ко времени воскресенія, — и зло моральное (515¹. 504¹). Самое уничтоженіе зла можетъ означать и обнаруженіе его метафизической сущности, какъ небытія (542³), и лишеніе его активности (547), и уничтоженіе его судомъ, чрезъ осужденіе на наказанія (529³), и уничтоженіе его, или переходъ въ небытіе (504³) чрезъ врачевательныя мученія (530¹). Точно также обстоитъ дѣло и съ заключительнымъ тезисомъ въ теоріи апокатастасиса. Утверждается, что по истребленіи зла явится добро (389; 460; 578; 504⁴. 543; 518; 521. 541), что всѣ, находящіеся во злѣ, обратятся къ Богу (542, 544. 586), такъ что въ концѣ концовъ спасутся всѣ (503. 524. 583), настанетъ согласіе всѣхъ въ добрѣ (555. 588); будетъ общее праздничное собраніе всей твари (498. 500; 543; 500. 534. 583), во всѣхъ возсіяетъ одинъ образъ (542; 499—500. 504². 526³. 534. 579^{2—3}), будетъ Богъ всѣмъ во всемъ (534), всѣ будутъ блаженствовать (503¹. 524. 583; 578—579). Но съ другой стороны утверждается также, что грѣшники такъ и останутся внѣ благъ (II, 192—193); при томъ самое слово блаженство можетъ быть понимаемо не только какъ блаженство богообщенія (583¹), но и какъ физическое благосостояніе,

жизнь безъ страданій (IV, 28); согласіе же въ добрѣ можетъ быть понимаемо, какъ теоретическое признаніе его торжества (ср. 370. 547). Въ частности о спасеніи злыхъ духовъ говорится то условно и съ ограниченіями (уврачеваніе изобрѣтателя зла чрезъ искупленіе человѣка, 499³; чрезъ упраздненіе силы смерти 527. 558), то болѣе опредѣленно (555). При такомъ положеніи вещей нисколько не удивительно, что Гр. Н. понимали различно, и исторія накопила нѣсколько теорій по объясненію признаваемого имъ апокатастасиса. Въ общемъ однако всѣ теоріи можно свести къ двумъ типамъ пониманія. По одному св. Гр. Н. былъ сторонникомъ полнаго апокатастасиса въ духѣ строгаго оригенизма. Такъ думалъ св. Варсануфій и такъ думаетъ большинство современныхъ ученыхъ; такъ по существу понималъ Гр. Н. и п. Германъ, когда считалъ творенія его испорченными оригенистами. По другому пониманію, св. Гр. былъ сторонникомъ умѣреннаго апокатастасиса, т. е. признавалъ только физическое возстановленіе духовныхъ силъ человѣка, извращенныхъ страстями, очищеніе ихъ чрезъ исправительныя мученія, и вмѣстѣ съ тѣмъ забвеніе зла и теоретическое признаніе добра, хотя и безъ участія въ блаженствѣ. Такого пониманія держался пр. Максимъ Испов., анонимъ-схолиастъ соч. „О душѣ и воскресенія“ (не упоминаемый впрочемъ у автора) и съ нѣкоторыми вариациями Винченци, Крампфъ, прот. І. Сквиорцовъ (у послѣднихъ апокатастасисъ приурочивается къ воскресенію и осужденію грѣшниковъ на мученія, вмѣстѣ съ нѣмъ, по ихъ миѣнію, и наступаетъ „возстановленіе“ грѣшниковъ: зло теряетъ для нихъ личину бытія и привлекательности и лишается активности, вопли же поздняго раскаянія ихъ присоединяются къ общей симфоніи торжества добра). Въ результатѣ долгаго и безпристрастнаго изслѣдованія авторъ склонился къ первому пониманію апокатастасиса и въ этомъ направленіи представилъ свое изложеніе этой теоріи съ заключительнымъ разборомъ другихъ видовъ пониманія. Въ такого рода порядкѣ изложенія можно, пожалуй, усматривать нѣкоторый недостатокъ сочиненія. Лучше было бы въ смыслѣ

убѣдительности, если бы авторъ показалъ самый порядокъ своего изслѣдованія и свое пониманіе предварилъ разборомъ мнѣній своихъ предшественниковъ и анализомъ соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ Гр. Н., дающихъ основаніе къ разнаго рода перетолкованіямъ. Въ такомъ бы случаѣ и изложеніе теоріи апокатастасиса не было бы у него такъ перегружено выдержками безцвѣтными, допускающими толкованіе и въ ту и въ другую сторону, и, напротивъ, на первый бы планъ выступили безспорныя мѣста изъ твореній Гр. Н., прямо говорящія за пониманіе автора (469. 368. 389. 504. 542. 578), нынѣ такъ не кстати затерявшіяся у него въ массѣ другихъ цитатъ мало-значительныхъ. Во всякомъ случаѣ авторъ пришелъ къ опредѣленному и строго обоснованному рѣшенію. Выводъ его не новый, но въ немъ важно то, что онъ сдѣланъ послѣ добросовѣстнаго и тщательнаго изслѣдованія.

Все вообще изслѣдованіе М. О. о св. Григоріи Н. отличается строгонаучной и тщательной обработкой. Матеріаль для изслѣдованія имъ собранъ богатѣйшій. Дополнить его почти невозможно. Можно развѣ только пожелать раскрытія мысли о значеніи воскресенія Христова для всеобщаго воскресенія при помощи соч. „Противъ Аполлинарія“ (гл. 55), а также выяснить болѣе одухотворенное представленіе Гр. Н. о Судьѣ на страшномъ судѣ (*ibid.*, гл. 58, ср. 42), что было бы нѣкоторой поправкой къ трактаци автора на стр. 392 (см. еще нѣк. выше отмѣч. цитаты изъ твор. Гр. Н.).—Всѣ цитаты (выдержки) у автора подобраны съ рѣдкимъ умѣньемъ и обычно приводятся на своихъ мѣстахъ Правда, въ рубрикахъ о загробномъ воздаяніи авторъ помѣстилъ не мало такихъ выдержекъ, которыя относятся къ будущему страшному суду и мукамъ послѣ него (368³. ср. 376¹ 377⁵. 379⁴. 381. 389). Подъ этой же рубрикой онъ даже рѣшаетъ вопросъ о вѣчности адскихъ мученій. Но отчасти это извинительно потому, что въ философской эсхатологіи рѣзкой грани между состояніемъ до и послѣ суда обычно не проводилось. Посему это

нужно признать неудобнымъ лишь въ томъ отношеніи, что сосредоточивъ подъ данной рубрикой (368) весь матеріалъ, относящій къ ученію объ очистительномъ характерѣ мученій, авторъ тѣмъ самымъ ослабилъ свою аргументацію о такомъ же характерѣ огненныхъ мученій послѣ страшнаго суда (488), тогда какъ именно здѣсь удобнѣе было бы поставить вопросъ о вѣчности адскихъ мученій. При томъ въ силу искусственнаго перенесенія къ одной рубрикѣ выдержекъ, относящихся собственно къ теоріи апокатастасиса, у автора получились нежелательныя повторенія цитатъ. Въ результатѣ читатель остается въ недоумѣніи, какъ это одна и та же выдержка можетъ быть использована и при трактации о послѣднихъ судьбахъ міра и при разсужденіяхъ о загробной участи непосредственно послѣ смерти (404². 488 и 369¹; 586⁴ и 368². 377¹; 501¹ и 381³; 503¹. 524⁴ и 377⁴; 503² и 370¹, 371¹; 587³ и 376²; 483³ и 377²; ср. 484² и 379⁵). Не совсѣмъ также удобно пользованіе при описаніи загробной участи и будущей жизни такими выдержками, которыя, повидимому, относятся скорѣе вообще ко всей жизни человѣческой (518¹), или даже къ жизни земной (359—360. 519². 586²; къ мистич. состояніямъ: 348³. 346²) или характеризуютъ собственно только жизнь ангеловъ (33¹). Указанные случаи, впрочемъ,—рѣдкія исключенія.

Тщательному собиранію матеріаловъ у автора и умѣлому систематизированію ихъ вполне соответствуетъ и стройность предлагаемой имъ системы воззрѣній св. Гр. Н. Всѣ тункты системы связаны у него одинъ съ другимъ и вытекаютъ другъ изъ друга. Всѣ термины обстоятельно выяснены въ предѣлахъ системы при помощи удачно подобранныхъ параллелей. Въ данномъ отношеніи лишь по мѣстамъ можно было бы предъявить къ сочиненію нѣкоторыя desiderata: Напр., желательно было бы видѣть твердо обоснованнымъ то положеніе, что терминъ „судъ“ означаетъ у Гр. Н. очистительный процессъ (373¹). Желательно было бы выяснить са-

мую возможность нравственного преспѣянія за гробомъ; тутъ, между прочимъ, было бы умѣстно примиреніе мыслей Гр. Н. о томъ, что по смерти нѣтъ покаянія и времени для добрыхъ дѣлъ (360), и о томъ, что сразу-же по смерти грѣшники осуждаютъ свое поведеніе во плоти (370). Желательно бы было примиреніе и другихъ, повидимому, противорѣчивыхъ сужденій у автора: у него „видѣ“ тѣла то считается неизмѣннымъ (409), то постоянно измѣняющимся (457); воскресшія тѣла то считаются различными по внѣшнему виду у праведниковъ и грѣшниковъ (484—485. 469; но у Гр. Н. рѣчь идетъ не о видѣ, а о нравственныхъ свойствахъ—славѣ, чести и пр.), то одинаковыми (403; 402² по славѣ, чести и пр.). Конечно, все это—случайные диссонансы. Что касается до второй части, то она изложена еще стройнѣе, въ еще большей органической связи. Вся она какъ бы пронитана одной идеей апокатастасиса (по тѣлу—въ воскресеніи, по душѣ—въ конечномъ очищеніи отъ грѣховъ и восстановленіи въ первоначальное состояніе). Не выяснено лишь тутъ ясно, какое значеніе здѣсь долженъ имѣть страшный судъ, который у Гр. Н., какъ извѣстно, понимается не какъ кара, а какъ моментъ уврачеванія (IV, 32). Не выяснено также, какое отношеніе это именно уврачеваніе имѣетъ къ тому, которое начинается въ адскомъ огнѣ непосредственно по смерти. Въ силу этого идея страшнаго суда собственно не вводится органически въ систему воззрѣній Гр. Н., судъ не получаетъ у автора опредѣленнаго значенія. Ибо и до и послѣ него положеніе вещей (очистительныя мученія) остается тѣмъ же (471). Нѣкоторую несогласованность можно отмѣтить у автора въ описаніи царства славы. По его словамъ, это царство сразу открывается послѣ воскресенія и суда (501. 499). Между тѣмъ онъ характеризуетъ его чертами имѣющими отношеніе только къ состоянію по конечномъ апокатастасисѣ (обращеніе діавола, общая хвала Богу). Думается, что нужно было бы оговориться, что подъ царствомъ славы разумѣется нѣчто растущее и развивающееся и завершающее

ся апокатастасисомъ. Иначе получается впечатлѣніе, что судь, царство славы и апокатастасисъ наступаютъ одновременно. Но въ такомъ случаѣ придется примкнуть къ умѣренному пониманію апокатастасиса, которое авторъ вполне основательно не считаетъ правильнымъ.

Не только въ предѣлахъ системы возрѣнія св. Гр. Н. тщательно уяснены авторомъ, но и рассмотрѣны въ широкой исторической перспективѣ. Это даетъ возможность и понять происхожденіе ихъ и выяснитъ въ нихъ нѣкоторые трудные для пониманія пункты. Во вступительной главѣ у автора можно найти многоразличныя поясненія, параллели, аналогіи къ возрѣніямъ Гр. Н. Многочисленными ссылками своими на эту главу авторъ до крайности облегчаетъ ориентировку въ массѣ даваемого въ его книгѣ эсхатологическаго матеріала. Лишь по мѣстамъ ссылки эти можно нѣсколько приумножить [на св. Іустина, стр. 38, нужно бы сдѣлать ссылку на стр. 262; на Татіана, 44 (на стр. 262); Авінагора, 50 (603); св. Иринея, 69 (262); св. Ипполита, 100 (262); 99 (642); св. Меѳодія, 198 (стр. 285); 209 (596); 207—208 (600); 207 (602); 208—209 (606); Адамантия, 219 (262); св. Василія В., 225 (310); 226 (338); 225 (340); 234 (353); 228 (394); 231 (481); св. Григорія Б., 241 (303); 225 ср. 250 (340); 252—253 (353); 247 (394); 250 (481); объ Антихристѣ и Илиі у св. Ипполита и Феодорита, 99. 642; тезисъ у Гр. Н. вопреки Иринею и Ипполиту, 324; противъ Оригена (ср. Ипполитъ, 101), 402; при ссылкѣ на Оригена (446) необходимо отмѣтить различіе во взглядахъ: по Оригену (169) *εἶδος*—ratio находится въ тѣлахъ, а не при душѣ (298)]. Въ общемъ авторъ не только въ достаточной степени выясняетъ отношеніе Гр. Н. къ его предшественникамъ, но даетъ и общую оцѣнку его системы. При этомъ въ одномъ онъ только уклоняется отъ истины. Это,—когда говорить въ предисловіи (II), будто св. Гр. Н. является „умѣреннымъ выразителемъ идеи всеобщаго апокатастасиса“. Самъ авторъ основательно доказалъ, что апо-

катастасисъ у Гр. Н. не умѣренный, а самый строгій, ни въ чемъ не уступающій оригеновскому.

Но, хотя справки съ эсхатологическими воззрѣніями предшественниковъ Гр. Н. и много помогаютъ въ освѣщеніи неясныхъ мѣстъ его эсхатологіи, однако онѣ не во всѣхъ случаяхъ могутъ быть признаны достаточными. Какъ ни важны и существенны святоотеческія параллели сами по себѣ, однако въ объясненіи нѣкоторыхъ терминовъ ограничиться ими нельзя. Самъ авторъ говоритъ, что система Гр. Н. философская (II). Значить, она обработана подъ какими-нибудь философскими вліяніями. Естественно ожидать отъ автора, какъ вспомогательнаго момента, и философскаго объясненія нѣкоторыхъ сторонъ въ системѣ Гр. Н. Естественно спросить, что въ ней философскаго, что обработано философски и подъ вліяніемъ какой школы? Такіе вопросы мыслимы относительно нѣкоторыхъ антропологическихъ предпосылокъ эсхатологіи Гр. Н., напр., ученія о душѣ, ея безсмертіи, связи и отношеніи къ тѣлу, представленія о ея безтѣлесности и безпространственности (отсюда гѣспр. духовное пониманіе мѣстъ загробной жизни); мыслимы они также и относительно нѣкоторыхъ пунктовъ философской теодицеи, въ частности—ученія о злѣ, о смыслѣ и значеніи страданій, объ апокатастасисѣ. Если бы провести аналогію между философскими элементами въ ученіи Гр. Н. и положеніями разныхъ философскихъ школъ, то, кажется, можно было бы установить близость его философскихъ воззрѣній къ взглядамъ неоплатониковъ. Такъ, напр., представленія о безтѣлесности и безпространственности души, о томъ, что она охватываетъ собою (а не охватывается) тѣло (292), простираясь въ то же время мысленной силой до предѣловъ бытія (295), представленіе о злѣ, какъ не-бытіи, все это много напоминаетъ представленіе неоплатониковъ. Сюда отчасти относится и ученіе объ апокатастасисѣ (стойки, гностики; идея возвращенія къ Единому у неоплатониковъ). Привлеченіе философскихъ параллелей можетъ нѣсколько содѣйствовать не

только уясненію извѣстнаго образа философскихъ идей и представлений у Гр. Н., но и трудныхъ для пониманія терминовъ и понятій. Въ данномъ случаѣ особенно требовало бы уясненія понятіе „вида“, εἶδος'a, имѣющаго столь важное значеніе въ эсхатологической системѣ св. Гр. Н. Несомнѣнно, автору стоило большого труда уясненіе этого загадочнаго понятія. Онъ возвращается къ нему нѣсколько разъ (408. 446. 457. 293, ср. 169. 213), но, къ сожалѣнію, не даетъ о немъ яснаго, опредѣленнаго и устойчиваго представленія. По существу онъ ограничивается перечнемъ опредѣлений, данныхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія разными учеными (408), но строго не придерживается ни одного изъ нихъ: онъ считаетъ εἶδος и за внутренней образъ, и за внѣшній обликъ, и за складъ тѣлесной организаціи, и за характерныя черты данной массы (408. 169. 446). При томъ, повидимому, онъ употребленіе понятія εἶδος отождествляетъ и у Оригена и у св. Григорія Нисскаго. Но, въ данномъ отношеніи, кажется, различіе между тѣмъ и другимъ имѣется. По Оригену, въ тѣлахъ существуетъ ratio (λόγος стоекъ), формирующее сперматическое начало, которое обуславливаетъ опредѣленный видъ—εἶδος (типъ) тѣла (169. 170. 213). Это ratio сохраняется въ тѣлахъ и по смерти (166. 170) и восстанавливаетъ и формируетъ ихъ при воскресеніи. У Оригена, т. обр., понятія εἶδος и λόγος различаются терминологически и понимаются въ духѣ стоической физики, усвоенной и неоплатониками. У Гр. Н. дѣло обстоитъ сложнѣе, и философскія параллели къ нему подыскать труднѣе. У него тоже по существу (хотя не терминологически) различаются два понятія: а) видъ (εἶδος) тѣла (ср. 409. 457) и б) „тѣлесные признаки“ при душѣ; послѣдніе являются какъ бы оттисками тѣла на душѣ (293. 409. 437. 446), постоянно сохраняющимися при ней (447), и называются тоже „отличительнымъ видомъ“ (Объ устр. чел., гл. 27, I, 190). У Гр. Н., т. обр., формирующее начало въ отличіе отъ Оригена называется εἶδος'омъ (а не λόγος'омъ) и представляется находящимся при душѣ (409. 293. 447), почему и воскресеніе имъ понимается,

какъ составленіе самой душой себѣ тѣла (437). Въ этомъ смыслѣ εἶδος (во второмъ его значеніи у Гр. Н.) приближается по содержанію не къ неоплатоническому λόγος'у, а къ энтелехії Аристотеля, съ нѣкоторыми однако вариациями (свойственными позднѣйшему неоплатонизму), именно: εἶδος предполагается существующимъ независимо (хотя и не безъ связи) отъ тѣла при душѣ (умѣ) и не отождествляется всецѣло съ принципомъ растительной и животной жизни въ человѣкѣ (будущее тѣло, созданное по εἶδος'у, не будетъ имѣть животныхъ функций и органовъ). Безспорно, разсматриваемый вопросъ является необычайно труднымъ. Мы лично не можемъ уяснить его себѣ въ достаточной степени и не смѣемъ претендовать на то, что не находимъ безспорнаго и окончательнаго уясненія его у автора, и лишь должны быть благодарными ему за то, что сдѣлано имъ къ разрѣшенію столь труднаго вопроса.

Съ внѣшней стороны тщательная работа автора производитъ самое благопріятное впечатлѣніе. На каждомъ шагу приходится удивляться методичности, добросовѣстности, аккуратности автора и совершенству его научной техники. Изложеніе у автора ясное, точное, простое. Цитаты, несмотря на ихъ обиліе, безошибочныя; вездѣ, гдѣ можно было, авторъ далъ трудъ себѣ проставить страницы русск. переводовъ (есть ошибки въ указаніи томовъ на стр. 336³. 503². 519². 587¹;—въ страницахъ—337¹ (д. б. I, 438); 557⁶; на стр. 304 нѣтъ одного примѣч.). Нѣсколько странно лишь то, что по мѣстамъ однѣ и тѣ же выдержки изъ Гр. Н. приводятся различно (326² и 333³; 404². 435¹ и 488⁸; 419². 437¹ и 447¹; 515 и 583³; 521¹ и 541¹; 527³ и 558⁴). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (521¹. 529³) можно пожалѣть, что авторъ не слѣдуетъ болѣе ясному и простому русскому переводу, а даетъ свой нѣсколько неясный переводъ. Иногда передачу у автора нѣкоторыхъ греч. словъ можно признать не совѣмъ удачной [см. на стр. 89: „подземный“ (нужно бы: премірный); „соучастникъ“ (н. собесѣдникъ), „сочлень“ (вм.: сонаслѣдникъ); на стр. 104: „порча“ (тлѣніе); 202 „шатерь“ (σκηυή)], а переводъ его не со-

всѣмъ точнымъ (281).—Есть у автора и своего рода редакционные недосмотры въ окончательной отдѣлкѣ сочиненія, что и понятно въ столь громадномъ трудѣ. На стр. 245 въ рѣшеніи вопроса, какъ понимать очистительный огонь у св. Григорія Бог., онъ еще колеблется въ опредѣленномъ отвѣтѣ; на стр. же 572 уже прямо считаетъ св. отца сторонникомъ теоріи апокатастасиса. Сюда же онъ причисляетъ и св. Василя В., хотя въ изложеніи его эсхатологическихъ взглядовъ не даетъ для того рѣшительно никакихъ основаній. Вопросъ о томъ, почему V всел. соборъ не осудилъ св. Григорія Н. (вмѣстѣ съ Оригеномъ) за ученіе объ апокатастасисѣ, рѣшается у автора сперва въ томъ смыслѣ, что на соборѣ изслѣдовались собственно только хринологическіе вопросы (570),— что и не совсѣмъ вѣрно,— а ниже (649)— въ томъ, что св. Григорій уже до III го всел. собора былъ окруженъ ореоломъ святости.—Изданіе разсматриваемой книги весьма опрятное и даже, можно сказать, изящное. Все разсчитано въ ней на то, чтобы выпустить книгу въ возможно лучшемъ видѣ. Въ концѣ ея приложенъ даже алфавитный указатель, хотя въ систематической работѣ въ немъ не было и особей нужды. Опечатокъ весьма мало. Намъ удалось констатировать лишь нѣсколько случаевъ недосмотра и *lapsus penae* (2 Клим. цитруется, какъ сочиненіе св. Климента римск., стр. 7; на стр. 9² дается цитата IX, 28, 7 (вм. 8); на стр. 466² читаемъ Bitter (вм. Ritter); на стр. 661 — „святитель Нисскій“ (вм. Кипрскій); на стр. 644 и 663 „Сиріонъ“ (вм. Сиріанъ); въ указателѣ: „древо райскос, 451“ вм. 461).

Конечно, тѣ мелкіе недочеты въ сочиненіи М. Θ., которые нами отмѣчены, являются въ немъ случайными и рѣдкими исключеніями и буквально тонутъ въ морѣ того цѣннаго и важнаго научнаго матеріала, который собранъ въ разсматриваемой книгѣ. Въ общемъ колоссальный трудъ М. Θ., несомнѣнно, есть высокоцѣнное научное построеніе и, конечно, по справедливости стяжалъ уже ему доброе научное имя. Работъ столь широкихъ по замыслу, столь тща-

тельныхъ по выполненію, съ такимъ огромнымъ количествомъ первоисточниковъ,—повторяемъ,—у насъ очень и очень мало. Книга М. Ө. стоитъ вполне на уровнѣ современной науки и въ совершенствѣ удовлетворяетъ всѣмъ научнымъ требованіямъ. Для нашей богословской литературы это—цѣлое приобрѣтеніе. Несомнѣнно, книга эта вполне заслуживаетъ большой Макарьевской преміи въ полномъ размѣрѣ“.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте:

info@axion.org.ru